

Чи Илань злился, но, конечно, не собирался как-то отыгрываться на девчонке; просто в груди полыхало раздражение, от которого он не мог опомниться ещё долго.

Как вообще посмела какая-то девчонка сзади наброситься на него с объятиями, да ещё и приплести старших, чтобы угрожать ему?

Сейчас, наверное, даже семиклассники вряд ли станут вести себя подобным образом; нет, даже в детском саду уже не говорят таких наивных глупостей.

Просто невероятный позор.

Он долго поджимал губы, храня молчание, и уже собирался сказать себе: «Ладно уж, в конце концов, она из семьи Гу, а старейшина души в ней не чаёт; не хочешь уважать монаха — уважай хотя бы Будду».

Гу Пинву дала ему вдоволь наглядеться на себя, но на её лице не было ни тени страха. Произнесла спокойным тоном: «Я пошла», — она собралась улизнуть.

Увидев, что она действительно собирается повернуться и уйти, Чи Илань инстинктивно шагнул вперёд и схватил её за руку. Но едва его ладонь коснулась её запястья, он тут же отдернул её, будто обжёгшись.

Гладкий, нежный участок кожи ускользнул из ладони, вызвав странную дрожь. Грудь зацигло, и Чи Илань почувствовал себя крайне озадаченным.

Подумать только: он ведь не был зелёным юнцом, который никогда не заводил романтических отношений, но в присутствии этой девчонки вечно чувствовал себя скованно и неуклюже.

Ему оставалось лишь списать всё это на близкие отношения между их семьями.

В конце концов, если вспомнить, как они вместе лепили куличики из грязи в детстве, их вполне можно было назвать друзьями детства.

Стоило ему подумать об этом, как легкий внутренний дискомфорт тут же испарился.

Заметив, что она обернулась и вопросительно смотрит на него, словно спрашивая: «Что-то ещё?», Чи Илань холодно бросил:

— Сегодняшнее держи при себе, никому ничего не говори.

Гу Пинву немного подумала и спросила:

— О том, что мы сбежали с уроков кататься на скейтборде, или о том, что я подралась с Гэн Цзинци?

Чи Илань снова нахмурился, чуть было не выйдя из себя, но в последний момент сдержался и холодно произнёс:

— Обо всём.

Гу Пинву послушно улыбнулась и ответила:

— Хорошо. Есть ещё что-то?

Чи Илань бросил на неё косой взгляд и, словно потеряв терпение, развернулся, чтобы уйти, но, сделав шаг, замер и холодно отчитал:

— В следующий раз не вздумай срываться с таких высоких трибун. Здоровье у тебя слабое, так что знай меру и не будь вечно такой легкомысленной.

Только сорвались эти слова с языка, как он заметил у неё на лице странное выражение — то ли улыбку, то ли насмешку.

Чи Илань остро ощутил, как его авторитет старшего брата подвергся посягательству, и уже собирался прикрикнуть: «Чего ты улыбаешься?», как пигалица послушно кивнула:

— Хорошо, я поняла, спасибо, шестой братец.

У Чи Иланя в груди закипала злость, но она, как назло, стояла перед ним с покорным видом, не давая ни малейшего повода придраться, так что ему оставалось лишь махнуть рукой, как будто он прогонял уток:

— Возвращайся на урок и больше не сбегай.

— Ой. Хорошо, шестой братец.

Называя его «шестым братцем» на каждом шагу, Гу Пинву дала дёру, только пятки засверкали.

Чи Илань проводил её взглядом, пока она бегом поднималась к учебному корпусу, обеспокоенно поджал губы, но стоило ему обернуться, как он увидел приятелей: те дружно скрестили руки на груди и уставились на него с одинаковыми ехидными ухмылками законченных сплетников.

Фу Ситан подал голос первым и, передразнивая голос Гу Пинву, принялся насмешливо тянуть:

— Ой, поняла, шестой братец, спасибо, шестой братец...

С бесстрастным лицом подхватив доску, Чи Илань пошёл вперёд и, проходя мимо Фу Ситана, от души двинул того ногой.

— Ай-яй, разозлился, шестой братец! — уворачиваясь и смеясь, завопил Фу Ситан.

А шедшие позади скейтеры наконец один за другим прыснули со смеху.

Кто и когда видел, чтобы Чи Сяо-лю хоть раз так вляпался перед какой-то девчонкой?

Над этим зрелищем стоило смеяться ещё полгода.

*

После таких приключений оставаться в школе уже не имелось никакой возможности.

Черныш решительно махнул рукой:

— Все ко мне в магазин! Сегодня будний день, народу мало.

В магазине Черныша был профессиональный крытый скейт-парк, так что компания сменила дислокацию, рассчитывая оторваться по полной.

Раз уж они оказались на профессиональной площадке, Чи Илань не стал участвовать в играх в SKATE и просто принялся отрабатывать трюки.

Среди сегодняшней компании нашелся один скейттер по прозвищу Бурлящий Ветер — он был не только другом Чи Иланя, но и его личным тренером по скейтбордингу.

Бурлящий Ветер состоял в профессиональной команде AE, был чемпионом Китая по стрит-скейтбордингу в серии SLS, предпочитал стойку goofy, но мог кататься и в свитче — идеальный наставник для такого универсала, как Чи Илань, одинаково уверенно владеющего обеими стойками.

Чи Илань официально начал профессиональную карьеру в семнадцать лет, но ни с какими брендами контракты не подписывал; среди его знакомых был некий Е Чжэнцзэ, державший клуб скейтбординга, и через него Чи Илань постоянно подавал заявки на соревнования.

За три года он успел завоевать немало наград самого разного масштаба и снискал известность в узких кругах. Е Чжэнцзэ уже несколько раз предлагал ему подписать контракт, но получал вежливый отказ по простой причине: Чи Иланю не нравилось быть связанным обязательствами по бумагам.

Позже, во время каких-то соревнований, он сломал ногу, и дед стал категорически против его увлечения, не говоря уже об участии в турнирах. Так что подающий надежды скейттер Чи Илань в самый разгар своей популярности сошёл с дистанции, перейдя в полупрофессиональный статус.

И хотя выступать на соревнованиях он больше не мог, тайне продолжал упорно тренироваться, рассчитывая, что пока весть об этом не дошла до деда, всё будет шито-крыто.

Лишь к наступлению темноты вся компания покинула скейт-парк Черныша.

У Бурлящего Ветра появились дела в команде, а остальные собрались пропустить по стаканчику в клубе «Полночь».

Ночных клубов на набережной Бэйцзян было не так уж много: в конце концов, вся роскошь Хайши концентрировалась именно здесь, на этой золотой земле, где аренда стоила баснословных денег, и выставлять напоказ разгульную жизнь и безудержное веселье считалось дурным тоном.

И всё же, если кто-то искал развлечений, на этот случай всегда находилась пара-тройка заведений с громким именем.

«Полночь» была одним из них.

Никто не знал, какой именно смысл заложен в названии «Полночь», и толкования ходили самые разные: одни говорили, что оно намекает на ночные радости и утехы, другие утверждали, что если прочесть его задом наперёд, получатся иероглифы «прожигать золото» — мол, нечего тут делать, кроме как палить деньги.

Как ни крути, а любое объяснение звучало правдоподобно.

Компания Чи Иланя была здесь завсегдатаями, за ними круглый год закрепляли отдельный павильон, и швейцар привычным жестом проводил их внутрь.

К павильону примыкала просторная терраса, с которой сквозь перила открывался живописный вид на огни речного берега, сияющие словно на картине.

Чи Илань прислонился к перилам, неторопливо зажал в зубах сигарету и отрешенно засмотрелся на проплывающие по реке суда с переливающейся неоновой подсветкой. Он стоял

в тишине, отрешённый от всего мира, словно ему было абсолютно всё равно на происходящее вокруг.

Дверь на террасу была приоткрыта наполовину, и оттуда доносился шум: звон костей в стаканчиках, крики, подначки и пьяный смех.

Чи Илань не любил суету, но ненавидел и одиночество. Поэтому ему нравилось наблюдать за чужим безудержным весельем, но еще больше — стоять в стороне во время общего праздника, укрывшись в тишине.

Ночной ветер принёс с реки сырость, насквозь пропитав одежду.

Постояв так ещё немного, он услышал, как изнутри донеслись сменяющие друг друга приветствия:

— Фэй Цзинлинь пришла?

— Ого, сама великая красавица пожаловала! К кому это она?

— А к кому же ещё...

Шаги под общие смех и шутки приближались сзади шаг за шагом.

Фэй Цзинлинь была в чёрном платье в стиле Одри Хепбёрн, обнажающем изящные плечи и стройные ноги; её длинные волосы были собраны на один бок, а в изгибе шеи читалось смущение.

Чи Илань обернулся, с улыбкой окинул её взглядом и беспечно раскинул одну руку.

Фэй Цзинлинь замерла на мгновение, после чего с сияющей улыбкой бросилась в его объятия, позволяя ему обнять себя за талию.

Несколько секунд она утыкалась лицом ему в шею, вдыхая ставший уже привычным теплый цитрусовый аромат, а когда подняла голову, в её голосе послышался упрёк:

— Духи, которые я тебе в прошлый раз подарила, тебе не понравились?

Боясь прожечь её платье сигаретой, Чи Илань слегка отвёл руку в сторону, опираясь на перила, и, опустя взгляд, с улыбкой наблюдал за её сердитым и одновременно милым лицом. На секунду он потерял счет времени, а затем коротко бросил:

— Больше не дари мне парфюм.

Помолчав, он вспомнил тот самый густой аромат с нотами табака, который преподнесла Фэй Цзинлинь, поморщился и с явным отвращением добавил:

— От него несёт табачищем.

И это притом, что он сам в этот момент курил!

Фэй Цзинлинь поперхнулась, украдкой глянула на его лицо и в конце концов не посмела произнести ни слова, лишь молча кивнула.

На этом разговор заглох, повисла тишина.

Фэй Цзинлинь уже привыкла к такому.

По правде говоря, они встречались меньше двух месяцев.

Вся школа знала, как трудно подступиться к Чи Иланю: письма, цветы и подарки, отправленные ему накануне, наутро неизменно оказывались в мусорном ведре. И тем не менее толпы девчонок продолжали штурмовать его неприступную крепость, зачарованные его сногшибательной внешностью и ледяным высокомерием.

Фэй Цзинлинь была одной из них — и при этом той самой счастливицей, которой удалось пройти по узкому мостику над бурной рекой среди тысяч соперниц.

Она и сама толком не понимала, как всё это произошло. В тот день она была на дне рождения у двоюродного брата и совершенно неожиданно столкнулась с тем самым объектом тайной страсти, о котором грезил так долго, но на признание у неё не хватало духу.

Казалось, его затащили на праздник друзья: всё время он держался обособленно от толпы, а потом и вовсе исчез.

Она долго искала его и наконец заметила на террасе — он курил. В тот день она немного выпила, и поддавшись хмельной смелости, подошла и во всём призналась. А потом так и застыла на месте, увидев, как на его губах появляется едва заметная улыбка — такая же красивая, как висевший за его спиной тонкий серп луны.

Затем он поднял руку и поманил её пальцем, словно подзывая какое-то домашнее животное. Но её это ни капельки не смутило, и она сама шагнула ему навстречу.

А после последовал поцелуй — он притянул её за затылок.

Он никогда не говорил о начале отношений, а о том, любит ли он её, она даже бояться спрашивать. Так они и сошлись — непонятно как. Она называла себя его девушкой, а он не возражал, и она решила, что, наверное, это и значит быть вместе.

Но рядом с ним она всегда чувствовала себя так, будто ступает по тонкому льду, даже не зная, о чём с ним говорить.

Как и сейчас. Хотя всё это походило на сон, она предпочла бы вечно трепетно оберегать эту луну в своем сердце, лишь бы этот сон не заканчивался.

Она заглянула ему в лицо снизу вверх, прижимаясь к его груди; ночной ветер заставил её легонько задрожать. Заметив это, он тихо спросил:

— На дворе осень, а ты вырядилась вот так?

Ради встречи с ним она была готова хоть замёрзнуть насмерть. Но как ей было признаться в девичьих секретах? Она лишь ответила, что ей не холодно.

Через некоторое время он затащил её обратно в комнату и накинул на плечи свою куртку.

Едва они вернулись, их тут же затащили за общий стол. Фэй Цзинлинь бросала кости, а Чи Илань пил за неё, молча прислонившись к спинке дивана и слушая болтовню остальных.

Неизвестно почему, но разговор вдруг зашел о сегодняшнем дне.

Фу Ситан в красках и с преувеличением расписал Фэй Цзинлинь историю с объятиями от девчонки, не скрывая своего предвкушения бури.

Фэй Цзинлинь почувствовала укол ревности и не удержалась — скосила глаза на Чи Иланя, но его лицо по-прежнему оставалось бесстрастным, словно происходящее не имело к нему никакого отношения. Не удержавшись, она тихонько проговорила:

— Я слышала о Гу Пинву.

Чи Илань чуть заметно поморщился. Не глядя на неё, он медленно водил пальцем по краю бокала.

В сердце Фэй Цзинлинь закипела обида, но, напустив на лицо улыбку, она мягко произнесла:

— Говорят, она уже училась на первом курсе... только не на экономическом. Не знаю почему, но проучившись всего полгода, она взяла академ. Все говорят, что её поступление сюда не обошлось без чьей-то помощи, интересно, какие же влиятельные покровители за ней стоят...

Не успела она договорить, как рука, всё это время мирно лежавшая у неё на плече, резко взметнулась вверх, обогнула её шею сзади и зажала ей рот.

Находившиеся в комнате мгновенно притихли, а Фэй Цзинлинь едва не прикусила губу до крови.

Она резко повернула голову. В полумраке выражение лица Чи Иланя казалось непроницаемым. Стерпев боль, она робко коснулась его запястья, и угрожавшая рука тут же опустилась.

Не говоря ни слова, Чи Илань вытащил бумажную салфетку, стёр с ладони следы помады и с той минуты больше ни разу не взглянул на Фэй Цзинлинь.

Закончив вытирать руки, он поднялся, бросил всем: «Продолжайте», — и вышел.

Обливаясь холодным потом, Фэй Цзинлинь посидела ещё немного, а затем выскочила следом за ним.

Коридор «Полночи» тонул в полумраке, а висевшие на стенах картины под светом бра казались искажёнными из-за фальшивых цветов, приобретая зловещий вид.

Лишь стянув туфли и взяв их в руки, она смогла догнать его шаги и ухватить за рукав.

— Постой... Что я не так сказала?

Чи Илань даже не сбавил шага, лишь бросил на неё косой взгляд через плечо:

— Нечего шушукаться за чужими спинами.

— Да я просто ревную! — с обидой в голосе выпалила Фэй Цзинлинь. — Пусть даже я сплетничала о ком-то, но я твоя девушка, а она вообще кто такая?

На этот раз на лице Чи Иланя промелькнуло хоть какое-то выражение. Он остановился, развернулся, пристально глядя на неё, и мягко произнес:

— Кем ты мне приходишься, я и сам толком не знаю. А она — можно сказать, член моей семьи.